

И. Готье

ОБ АРХИВНЫХ ИЗЫСКАНИЯХ В КНИГЕ ПРО ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОПЛЕННОГО Н. САВЕНА

Книга «Вспоминайте хоть изредка о вашем Замерзающем» посвящена участнику наполеоновской кампании 1812 года Николаю Савену, попавшему в плен в неустановленное время и в неизвестном месте, а затем сосланному в Саратовскую губернию, где он и дожил свой долгий век¹.

Как известно, послужной список Савена сильно нафантазирован, равно как и вся его биография в целом. Бывший французский военнопленный не столько вспоминал свое прошлое, сколько создавал о нем фабулу. Ее было нетрудно разоблачить, но массовому сознанию легенда была дороже правды, оно не только прощало ложь, но и активно распространяло ее. Как тут не вспомнить знаменитые слова, приписываемые Александру Дюма-отцу про фальсификацию истории ради художественного созидания: на вопрос о том, можно ли так безбожно «изнасиловать историю», он в своей манере сам себе будто бы отвечал, что можно сколько угодно, лишь бы она вам после этого нарожала красивых детей. Впрочем, многие французские ветераны-мемуаристы войны 12-го года именно этим и грешили, и мы совершенно согласны с С.Н. Хомченко, когда он указывает в личной переписке со мной, что именно французские пленные оказались отцами и дедами Александра Дюма ровно по этой причине.

Итак, загадка Н. Савена требовала расследования, и надо сказать, что русские историки были в этом первыми и самыми продуктивными. Собственно, со стороны французов не предпринималось каких-либо глубоких архивных поисков, что и побудило автора-неисторика вступить в научную вотчину.

Первым объектом нашего изучения стал фонд 152 К.А. Военного отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Как известно, Константин Адамович, внук бывшего саратовского губернатора А.Д. Панчулидзева, который пребывал в этой должности во время наполеоновской кампании, был не первым, но главным открывателем старика Савена и активно занялся, говоря современным языком, его «раскруткой» через журналы и газеты, как российские, так и французские, начиная с июня 1894 г. В его фонде находятся акварели, рисунки и рукописи француза-саратовца, страницы его тетрадей как учителя французского языка, черновики и много писем, присланных ему в последние годы его жизни, выдержки из газет и т.д. – целый клад, из которого вырисовывается личностный облик Савена, его культурно-образовательный уровень, его жизненная стилистика.

Укажем лишь на два важных момента. Первый, в письмах из Европы видно как на ладони, какой бурный интерес вызвала обнаруженная на самом пике франко-российского союза биография старого солдата – очевидно, общественное мнение нашло в нем икону; достаточно сказать, что как минимум четыре семьи из Франции претендовали на родство с ветераном в качестве племянников. Второй момент, на фоне всеобщего ликования обращает на себя внимание скептицизм военно-бюрократических кругов. Прочитируем два письма, первое из которых пришло из Франции в Саратов на имя полицмейстера на ломаном русском языке от ветеранов Крымской войны, которые, по-видимому, для пущей надежности заказывали у кого-то перевод. Отправлено оно было 21 июня 1894 г. – через две с лишним недели после первой публикации Военного.

«Его превосходительство Господину Саратовскому Обер-полицеймейстеру. Милостивый государь! Мы желали бы узнать если, наверно, живет в городе Саратове 126-ий бывший учитель французского языка, в Саратове тоже и бывший офицер французских гусаров, под Наполеоном первым. У него, как говорят газеты, жила бы его дочь, теперь 80-я. Здесь предполагают, что дело идет о старике, имеющем бумаги и документы своего отца и сказующемся так пожилым, как теперь был бы свой отец, если бы он еще жил бы до сих пор. [Дальше следует формула вежливости]»².

А второе письмо пришло на имя самого Савена из кадетского корпуса, расквартированного в Финляндии, от сурового полковника российской армии Отто фон Фреймана уже не на ломаном русском, а на ухоженном французском. Уточнив, что он уже навел справки у «друга во Франции», Фрейман, в частности, пишет: «К сожалению, в результате поисков, предпринятых в Службе великого канцлера и Военном министерстве,

выяснилось, что: 1) Вашего имени нет в списках кавалеров ордена [Почетного легиона]; 2) отсутствует оно и в списках 2-го гусарского полка. Не можете ли Вы предъявить вашу грамоту кавалера, а также уточнить дату поступления во 2-ой гусарский полк и уточнить детали службы? Это сняло бы все сомнения»³.

В общем, уже тогда было ясно, что легенда о Н. Савене требует разоблачения, чем успешно занялись вплотную российские историки в последние 15–20 лет. Напомним их главные архивные находки вкратце и выборочно, прежде чем сфокусировать внимание на французских источниках, с которыми удалось поработать.

Решительной в этом расследовании оказалась такая жемчужина, как опубликованный Б.П. Миловидовым «Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года»⁴, где Савен фигурирует под именем Пьер как француз-пехотинец, сосланный в Хвалынский (уездный город Саратовской губернии), военнопленный, присягнувший на российское подданство и занесенный в мещанское сословие. По сути, это первый источник, подтвердивший, что Савен, несмотря на несоответствие с именем, мог быть просто рядовым или унтер-офицером, когда все имеющиеся архивные данные твердо исключали наличие в Саратовской губернии военнопленного офицера по фамилии Савен.

Другая архивная жемчужина тоже обнаружена Б.П. Миловидовым в недрах РГИА: речь идет об «Обращении к министру внутренних дел Российской империи относительно запроса о возвращении во Францию Николая Савена»⁵, проживающего в Хвалынске. Из этого важнейшего документа 1834 г. мы делаем вывод, что Николая Савен и вышеупомянутый в «Алфавите...» Пьер Савен – одно и то же лицо, поскольку во всех списках по Саратовской губернии значится только один пленный с этой фамилией, а он был определен именно в Хвалынске, и двух таких быть не могло. (Вообще вариации с именами, на наш взгляд, не должны смущать исследователей по причинам, детально разъясненным в книге). Из этого же источника мы узнаем также, что Савен родом из Нормандии, из г. Руан, что соответствовало его канонической биографии. Наконец, мы узнаем, что Пьер-Николя Савен служил унтер-офицером 24-го егерского полка, а не 2-го гусарского, который в это время стоял в Испании и на Москву не ходил, да и в контрольных регистрах которого не было никакого Савена (проверено нами и в офицерских, и в солдатских списках). В просьбе о возвращении на родину ему было отказано, несмотря на поддержку посла Франции К.Л.В. де Рошешуара, также участника русской кампании Наполеона.

Третий документ обнаружен уже в Саратове В.П. Тотфалушиным и представляет собой заявление Савена на имя мещанского старосты Саратова о прибытии его туда из Хвалынского в октябре 1839 г. после того, как губернская казенная палата подтвердила специальным указом его занесение в мещанское сословие города⁶. Таким образом, документально установлена связь между хвалынским следом и саратовским. Источник полностью подтверждает оба предыдущих архивных документа и приводит некоторые дополнительные интересные сведения о супруге Савена Прасковье Сергеевой и их четверых детей, а также про рост нашего героя – 2 аршина 3 вершка, т.е. 156 см.

Собственно, на базе этих данных мы и приступили к поискам во французских военных архивах Великой армии, которые содержатся в Венсене. Мы начали с проверки списков 24-го полка конных егерей⁷, но не нашли Савена ни среди офицеров, ни среди рядовых; а 24-го полка пеших егерей тогда просто не существовало. В то же время егерь мог быть также и военнослужащим легкой пехоты, да и солдат этого рода войск иначе как *chasseurs* не называли, так что было целесообразно проверить на всякий случай и контрольный регистр рядового состава 24-го полка легкой пехоты. Тут-то и нашелся искомый нами Савен под регистрационным номером 10429: «Савен Пьер Феликс, сын Пьера Феликса и Терезы, родился 13 июля 1792 г. в Руане, департамент Нижняя Сена, рост один метр 56 сантиметров, лицо овальное, лоб высокий, глаза голубые, нос крупный, рот средний, подбородок круглый, волосы и брови русые, особые приметы отсутствуют, прибыл в корпус 1 января 1812 г. записался добровольцем в Руане, зачислен переводом из 2-го полка легкой пехоты, где служил с 26 августа 1811, последний адрес – Руан, профессия (*прочерк*), 2-ой батальон, 4-ая рота, егерь. Остался в России в 1812 г. Предположительно умер или попал в плен, вычеркнут из списков личного состава 11 августа 1814 г.»⁸.

Как бы придиричиво мы ни относились к разбору фактов, нельзя было не признать убедительное соответствие данных, в том числе и антропометрических характеристик. Крупный нос Савена, например, бросается в глаза на сохранившихся фотографиях нашего героя, да и рост полностью совпадает: 156 см у французов равняется русскому росту в 2 аршина 3 вершка, зафиксированному Саратовской казенной палатой в 1839 г.

Проверка контрольных списков 2-го полка легкой пехоты⁹, откуда Савен был переведен в 24-й полк, принесла весьма интересную деталь: в графе «профессия» указано «краснодеревщик». Надо сказать, что мы совершенно не знали об этом обстоятельстве, когда, прочитав лекцию

о Савене в Руане в феврале 2013 г. с иллюстрациями из его рукописей, рисунков и акварельных работ, увидели, как к нам подходит нормандский краевед и говорит, что многочисленные флоральные узоры из-под кисти или пера французского саратовца точь в точь повторяют флористику местных, нормандских буфетов, шкафов и прочих шифоньеров. И тогда спросил: «Не из краснодеревщиков ли, случаем, ваш солдат?».

Оставалось разыскать след героя в местных регистрах о рождениях, что было крайне затруднительно по двум причинам: 1792 г. является, как назло, годом перехода от церковно-метрических записей к государственной системе записи гражданского состояния, и было непонятно, где искать; а приходов в Руане было в то время свыше 40, что умножало поисковые усилия. И все же его удалось обнаружить – 1792 г., Сент-Уанский приход, акт №106 от 13 июля: «Крещение Пьера Феликса Савена. В воскресенье, пятнадцатого июля, нижеподписавшийся третий викарий этого прихода крестил Пьера Феликса, родившегося 13 июля от законных супругов г-на Пьера Феликса Луи Савена, проживающего в данном приходе на улице де Фо, и его супруги Терезы Урде».

Оттолкнувшись от этой записи, мы смогли воссоздать целый массив семейных событий, относящихся к роду Савен: рождение матери и отца Пьера-Николя, их церковное бракосочетание, смерть отца в 1816 г., рождение его брата и пяти сестер (наш герой был старшим), двоюродных братьев и сестер и т.д., из чего вырисовывается своего рода этнографический групповой портрет этого рода. Савены позиционировали себя как буржуа, т.е. причислялись к немногочисленной образованной элите, умеющей писать, считать, торговать, продавать свои умелые руки. Родной и двоюродный деды француза-саратовца следили за поставками зерна по воде в Руан. Его отец был мастером по изготовлению париков, имел клиентов из дворян и именитых граждан. После 1792 г. парики – символ прежнего строя – вышли из моды, и Савен-старший занялся галантерейным делом. В IX году (1801) галантерейщик переходит на работу в наполеоновские органы, занимающиеся социально-ориентированными налогами. В год своей смерти глава семьи снова начал зарабатывать на жизнь торгуя товарами для шитья. Любопытно, что годом своего рождения Пьер-Николя (наш Савен) называл год рождения своего отца – 1768. А другой год рождения, который он себе приписывал среди многих других – 1764, был годом появления на свет его матери Марии Терезы, дочери портного из Эльбёфа. Отметим, что жена Савена Прасковья тоже была на четыре года старше его. Интересно, что, оказавшись на далеком волжском берегу, француз воспроизвел свои корневые социальные

схемы. Он официально был приписан к мещанскому сословию и обречен служить дворянам.

В завершение заметим, что нет сомнения в том, что в российских и французских архивах кроется еще много интересного об этом удивительном военнопленном. «Савеноведение» – наука молодая и перспективная.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Готье И.* Вспоминайте хоть изредка о вашем Замерзающем / Пер. с фр. Е. Клоковой. М.: Изд. центр им. Рудомино, 2017. (Фр. изд.: *Gauthier Yves. Souvenez-vous du Gelé.* P.: Transboréal, 2017).

² ОР РНБ. Ф. 152 К.А. Военского. Оп. 1. Д. 496. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 481. Л. 1–2.

⁴ *Миловидов Б.П.* Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. IX: Архив коллекции: К 200-летию Отечеств. войны 1812 года. М., 2010. С. 327. (Труды ГИМ. Вып. 183).

⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 41. Л. 4–5. Документ от 30 марта 1834.

⁶ ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 572. Л. 969; *Тотфалушин В.П.* Новое о легендарном Савене // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов. Т. 3: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2004. С. 233–236. (Тр. ГИМ. Вып. 142).

⁷ Service historique de la Défense. 24 YC. 360–363.

⁸ Ibid. 22 YC. 178.

⁹ Ibid. 22 YC. 14.